

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.005

УДК 821.161.1-312.2 Солженицын.07 +
+ 82.09

О. В. Хорохордина

*Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия*

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЦИКЛА «КРОХОТКИ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Автор статьи выявляет структурные и смысловые особенности цикла А. И. Солженицына «Крохотки». В результате анализа цикла произведений, проведенного в русле когнитивно-коммуникативного подхода, автор приходит к выводу, что жанр «Крохоток» обладает следующими типовыми характеристиками: трехчастной композицией, включающей повествовательный, лирический и философский компоненты; сложной организацией образа автора, где объединяются посредник, несущий слово Божие людям, представитель соборной (русской православной) общности и рассказчик, предельно близкий личности реального писателя; множественной адресованностью: себе самому (саморефлексия), читателю (учительное послание), Богу (исповедь, молитва); набором доминантных тональностей: благоговеющей (по отношению к Божественному), обличительной (по отношению к земной власти и проявлениям низкого в человеке), учительной (по отношению к читателю-собеседнику).

Типовые жанровые черты выступают объединяющей основой цикла «Крохотки», однако при наличии набора типовых черт каждая «крохотка» имеет ярко выраженный индивидуальный художественный характер и обладает собственной эстетической ценностью.

Цикл разделен на две части, каждую из которых завершает молитва: благодарственная молитва за личное благополучие от имени авторского *я* заключает первую часть цикла; просительная молитва за благополучие России от лица автора как части русской православной общности заключает вторую часть цикла. При этом тематические и тональные совпадения молитв с произведениями каждой из частей цикла позволяют рассматривать их не только как финальные компоненты, но и как звенья, скрепляющие весь цикл «Крохотки» в целое кольцевое структурное и смысловое единство, в котором воплощается авторская картина мира.

Ключевые слова: цикл «Крохотки»; структурно-смысловая организация; авторский жанр; образ автора; образ адресата; тональность.

Ц и т и р о в а н и е: Хорохордина О. В. Особенности структурно-смысловой организации цикла «Крохотки» А. И. Солженицына // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 57–69.

Поступила в редакцию 30.11.2018

Принята к печати 12.02.2019

Olga V. Khorokhordina

St Petersburg State University
St Petersburg, Russia**THE FEATURES OF STRUCTURAL AND SEMANTIC ORGANISATION
OF THE *MINIATURES* CYCLE BY ALEKSANDR SOLZHENITSYN**

The author reveals the structural and semantic features of the cycle *Miniatures* by A. I. Solzhenitsyn. As a result of the analysis of the cycle of works carried out in line with the cognitive and communicative approach, the author comes to a conclusion that the genre of the *Miniatures* has a number of typical characteristics, i.e. three-part composition, including narrative, lyrical and philosophical components; a complex organisation of the author's image, which brings together an intermediary who carries the word of God to people, a representative of the collegial (Russian Orthodox) community and a narrator who is extremely close to the personality of the real writer; multiple targeting: oneself (self-reflection), reader (teaching message), God (confession, prayer); a set of dominant tonalities: reverent (in relation to the divine), accusatory (in relation to state power and manifestations of the low in man), instructive (in relation to the reader-interlocutor).

Typical genre features unify the cycle *Miniatures*, however, despite a set of typical features, each "miniature" has a pronounced individual artistic character and its own aesthetic value.

The cycle is divided into two parts, each of which ends with a prayer: a thanksgiving prayer for personal well-being on behalf of the author's *self* concludes the first part of the cycle; a prayer for the well-being of Russia on behalf of the author as part of the Russian Orthodox community concludes the second part of the cycle. At the same time, thematic and tonal coincidences of prayers with the works of each part of the cycle allow us to consider them not only as final components, but also as links that bind the entire cycle of *Miniatures* into a whole circular structural and semantic unity, which embodies the author's picture of the world.

Key words: *Miniatures* cycle; structural and semantic organisation; image of the author; the image of the addressee; tonality.

Citation: Khorokhordina, O. V. (2019). Osobennosti strukturno-smyslovoi organizatsii tsikla "Krokhotki" A. I. Solzhenitsyna [The Features of Structural and Semantic Organisation of the *Miniatures* Cycle by Aleksandr Solzhenitsyn]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 57–69.

Submitted on 30 November, 2018

Accepted on 12 February, 2019

Юбилей писателя неизменно становится моментом, подталкивающим нас перечитывать его ключевые произведения, чтобы в контексте нашего времени вновь пережить и осмыслить воплощенный в его художественном слове неповторимый комплекс чувств и идей, неразрывно связанный в нашем сознании именно с его писательским голосом и делающий его для нас отличимым от любого другого. Для такого случая, если говорить об Александре Исаевиче

Солженицыне, представляется подходящим его цикл «Крохотки» [Солженицын], где «наметились основные идейно-художественные тенденции всего творчества Солженицына» [Кодзис], где, по словам Н. Струве, проявились «предельная правдивость, предельная простота» (*ultime vérité, ultime simplicité*) [Struve], где, по единодушному мнению комментаторов, текстовое авторское *я* предельно близко или даже идентично жизненному *я* писателя, что открывает возможность доступа к его внутреннему миру.

Цикл включает в себя 32 произведения, получивших авторское жанровое определение «крохотки», в семантике которого сопряжены две жанрообразующие составляющие: производность от общелитературного жанра *м и н и а т у р ы* и идея *р у с с к о й с а м о б ы т н о с т и*. Переплетение общечеловеческого и собственно русского проявляется и в проблематике произведений цикла, где автор сосредоточен на размышлениях о даре жизни и личной свободе как высших человеческих ценностях, попираемых властью; об ослаблении у человека чувства единства с природой под натиском технического прогресса; о необходимости помнить историю, чтить память предков, дорожить человеческими отношениями; о разрыве (в результате известных исторических событий) духовной связи с прошлым, неотъемлемой частью которого была система христианских ценностей, и, как следствие, — о девальвации в советском обществе нравственных ориентиров, и, несмотря ни на что, о любви к Родине и готовности служить ей, в каком бы бедственном положении она ни была; о благодарности Богу за возможность дышать и творить и о надежде на то, что с Божьей помощью Россия найдет дорогу к добру и свету. В проблематике «крохоток» ярко проявляется специфика солженицынского мировидения, заключающаяся, по справедливому замечанию В. Ерофеева, в том, что «его представления о человеческой природе, об истории и самобытности России подчинены идее морального сопротивления злу как обману и насилию» (курсив мой. — О. Х.) [Ерофеев, 2008].

В каждой из «крохоток» разрабатывается одна из проблем, при этом произведения цикла и содержательно, и грамматически обнаруживают «стабильную трехчастную композиционно-речевую структуру, отражают широкий взгляд человека на окружающий мир» [Макарова, с. 61]: исходный репродуктивный компонент с его изображением фрагмента мира в момент непосредственного восприятия автором получает в тексте смысловое расширение в компоненте информативного регистра, где писатель реагирует на изображенное эмоционально-интеллектуальным комментарием, и завершает художественное размышление компонент с предельно обобщенным значением имен и глагольных времен генеритивного регистра в финальной авторской сентенции.

Важно отметить, что в каждой из «крохоток» описанная выше типовая структурно-смысловая организация получает ярко индивидуализированное воплощение, отчего, например, Б. Кодзис выделяет группы «крохоток», проявляющих сходство с определенным литературным жанром: импрессионистической зарисовкой, философским этюдом, путевыми заметками, литературным фельетоном, — либо с их комбинацией [Кодзис]. Таким образом,

вариативность делает каждую из «крохоток» неповторимым художественным произведением, обладающим собственной эстетической ценностью, в то время как типизированная базовая структурно-смысловая организация проявляет канон авторского жанра и обеспечивает целостность литературного цикла.

Цикл «Крохотки» делится на две части в соответствии с историей создания.

Первая часть писалась в 1958–1960 гг., до отъезда Солженицына из СССР. Как отмечает Л. А. Колобаева со ссылкой на самого писателя, состав и композиция первой части цикла определились не только его замыслом, но и отчасти волей Е. Д. Воронянской, которая, занимаясь распространением произведений Солженицына в самиздате, к первой части «Крохоток» самовольно прибавила «Молитву» (1963) [Колобаева, с. 39]. Как нам представляется, это произведение И. А. Солженицына, заняв финальную позицию в сложившемся на тот момент цикле, не только само стало одной из «крохоток», но и ретроспективно обогатило смысл каждой из включенных в первую часть цикла миниатюр, существенно преобразовав речевой статус цикла в целом как единого художественного высказывания.

Обратимся непосредственно к тексту «Молитвы». Открывая свое художественное обращение к Богу двумя хвалебными восклицаниями:

Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя! —

Солженицын конкретизирует его как благодарственную молитву за присутствие Бога в его жизни и за указанные Господом пути добра для выхода из самых сложных ситуаций, за возведение автора из безнадёжного положения «на хребет славы земной», пришедшей к писателю после публикации в 1962 г. повести «Один день Ивана Денисовича»:

Когда расступается в недоумении
Или сникает ум мой,
<...>
Ты снислаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть и
что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты.
На хребте славы земной
Я с удивлением оглядываюсь на тот путь
Через безнадёжность — сюда...

Продолжая возносить благодарение, писатель определяет свою коммуникативную роль как избранного Господом медиатора для донесения Слова Божия людям:

...я смог послать человечеству
отблеск лучей Твоих.

Мотив благоговения перед Божественным, составляющий сущность «Молитвы» и предельно акцентированный в этом завершающем первую часть цикла произведении, проходит с разной степенью эксплицитности и эмоциональной напряженности через весь цикл, получая вербализацию прежде всего в словах и словосочетаниях, называющих реалии этой сферы: *Творец, стрелами Саваофа, Церковь* (как институт), *монастырь Успенский, колокольня высокая монастыря Иоанна Богослова, под церковью склеп, архиерей, молитва, звон вечерний, колоколенки*, а также в высказываниях, содержащих христианские скрипты: *покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли вечности; Когда-то на кладбищах наших по воскресеньям ходили между могил, пели светло и кадили душистым ладаном. Становилось на сердце примиренно; ...Церковь наша отводила прежде день — поминовение воинов, на поле брани убиенных.*

Мотив благоговения перед Божественным воплощается и в изображениях мира природы: пейзажей, умиротворяющих простором и гармоничностью («Дыхание», «Озеро Сегден», «Прах поэта»), и портретов животных, привлекающих своей характерностью («Способ двигаться», «Шарик») и умиляющих своей беззащитностью и хрупкостью («Утёнок»). Писатель напоминает о жизни как об объединяющем все сущее на земле начале, даруемом и поддерживаемом Творцом: отсюда и невозможность решиться распилить прошлогоднее бревно, неожиданно давшее росток, воспринимаемый как сигнал о том, что *«оно тоже жить хочет! Ведь вот как оно хочет жить — больше нас!»* («Вязовое бревно»); отсюда и понимание ограниченности созидательных способностей человека: *Но никогда! — никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, — не смонтируем вот этого невесомого желтенького утенка...* («Утёнок»); отсюда и проживание грозы как своего рода Божественного напоминания людям о происхождении мира и о месте, отведенном в нем человеку: *Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создававшегося сегодня — на наших глазах* («Гроза в горах»). Писатель настойчиво повторяет, что всё в этом мире — от Бога, в том числе и исключительный творческий талант, позволяющий преобразовать невыразительный пейзаж в поэтический шедевр: *Какой слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..* («На родине Есенина»).

Благоговение перед Божественным контрастирует в текстах цикла «Крохотки» с обличительным пафосом высказываний о земной власти и насаждаемых ею нормах жизни.

В «крохотке» «Дыхание», открывающей цикл, сразу выражается авторское отношение к советской власти как тоталитарной и репрессивной, удушающей всякую свободу человека: *Вот, пожалуй, та воля — та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь.*

Развивая этот образ в «Озере Сегден», писатель показывает, что власть, объявившая себя народной, на самом деле противопоставляет себя народу, отгораживаясь от него: отнимает у народа право свободно передвигаться по родной земле: *над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая черточка. <...> Эту черточку ставит земная власть. Эта черточка значит: ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя; сидят в засаде постовые с турчками и пистолетами; напугали народ*; ведет себя как порабителитель и захватчик, присваивающий себе лучшее: *Там, за лесами, горбит и тянет вся окружная область. А сюда, чтоб никто не мешал им, — закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них, —* отчего советская власть ассоциируется у писателя с татаро-монгольским игом и изображается им как персонифицированное зло: *Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон дача его, купальни его. Злодеята ловят рыбу, бьют уток с лодки. Сперва синий дымок над озером, а погода — выстрел.*

Обличительная тональность окрашивает и все повествование в «крохотке» «Прах поэта», закрепляя представление о советской власти как о разрушителе русского культурного наследия, об искоренителе в России православной веры, одурманивающим своих граждан лицемерной пропагандой, и о карателе, опутывающем всю русскую землю колючей проволокой лагерей: *Но — нет куполов, и церквей нет, от каменной стены половина осталась и достроена дощаным забором с колючей проволокой, а над всей древностью — вышки, пугала гадкие, до того знакомые, до того знакомые... В воротах монастырских — вахта. Плакат: «За мир между народами!» — русский рабочий держит на руках африканенка.* Так советская власть предстает у Солженицына бедой страшнее татаро-монгольского нашествия, ибо монгольских ханов, не обращенных в христианство, все-таки останавливала от некоторых злодеяний суеверная боязнь перед некими высшими силами: оба описываемых монастыря в древнем городе Ольгове «*пощадил суеверный Батый*», коммунисты же, отрекшись от всякой веры в Бога и объявив себя единственной, а потому и высшей властью, без оглядки превращают в руины творения своих предков и прививают нормы бездуховности формируемой ими новой социальной общности — советскому народу, о чем с убийственным спокойствием рассказывает путешественникам надзиратель: *Когда детская колония здесь была, так мальчишки, они ж не разбираются, все стены изгадили, иконы побили. А потом колхоз купил обе церкви за сорок тысяч рублей — на кирпичи, хотел шестирядный коровник строить. Я тоже нанимался <...> Под церковью склеп открылся, архиерей лежал, сам — череп, а мантия цела. Вдвоем мы ту мантию рвали, порвать не могли...*

В «крохотке» «Путешествуя вдоль Оки» писатель объясняет свое понимание духовной значимости церковных построек для русского человека: *в эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни,* и констатирует удручающие результаты борьбы советской власти с верой в Бога, что оборачивается уничтожением памятников: *Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер; растет*

бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями; искоренением памяти о предках и их славных деяниях: Если на всех погибших оглядываться — кто кирпичи класть будет? («Мы-то не умрем»); забвением духовных традиций прошлого: Никого в наше время не удивляет, что человек каждодневно служит терпеливо и внимательно телу своему. Но оскорблены были бы, если бы так служил он своему духу («Приступая ко дню»).

Безусловное благоговение перед Божественным определяет убежденность Солженицына в том, что наши предки, хотя, как и *«всегда люди были корыстны, и часто недобры»*, но, почитая Господа, жили праведнее: вера в Бога удерживала *«людей от того, чтобы опуститься на четыре ноги»* («Путешествуя вдоль Оки»). Такая позиция обуславливает одобрительное отношение автора к прошлому и резко критическую оценку советского настоящего, где религиозное воспитание сменилось официальной атеистической идеологией, и люди, получая, по мнению писателя, искаженное представление о добре и зле, стали утрачивать связь со своей исконной культурной традицией, гармонически ориентировавшейся на православные и народные ценности.

Благоговейность и обличительность, резко контрастируя между собой, аксиологически однозначно в соответствии с нормами христианской морали, окрашивают фрагменты изображаемой действительности либо как должное, либо как недопустимое, отчего в текстах «крохоток» проявляется ощутимая назидательная тональность, выражаемая и в собственно императивных высказываниях: *Братья по перу! Я не говорю: **примерьте** такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули — **езжайте** в такси;* и в высказываниях с модальностью возможности / невозможности или необходимости / ненужности: *Пока **можно** еще дышать после дождя под яблоней — **можно** еще и пожить!* или ***Не надо** мне, мол, ваших костей — дайте только свободу!..;* и в утвердительных выводных высказываниях: *Нет, это не молитва. Это — зарядка;* и в приглашающих к поиску ответа вопросительных высказываниях: *Страшно подумать: так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слезы жен — все это тоже забудется ничто? Все это тоже даст такую законченную вечную красоту?..;* и в финальных высказываниях с многоточием, указывающим на незавершенность сентенции, восполнить которую предстоит читателю самостоятельно в контексте данной «крохотки»: *Озеро пустынное. Милое озеро. Родина...*

За политональностью «Крохоток» обнаруживается сложная структура образа автора. Вследствие интертекстуального взаимодействия с «Молитвой», где декларируется роль писателя как посредника, доносящего до людей Слово Божие, в каждой «крохотке» образ автора надстраивается. Высшим субъектом чувства, мысли, оценки, отчего в содержательно-смысловом компоненте «крохоток» усиливается истинностный аспект: перед нами оказывается не просто индивидуально-авторское миропонимание,

а художественное представление фрагментов нашего мира в свете Слова Божия, и общая текстовая назидательная тональность возводится на уровень проповеднической, учительной¹.

Еще одна особенность образа автора в цикле «Крохотки» выявляется при наблюдении за номинациями повествователя, где обнаруживается чередование форм *я*, *ты* (обобщенно-личного) и *мы* (как в конкретном, так и в обобщенном значениях): *Я иду по деревне этой; Стою над ним, нахлынуло; Подбежал ко мне, лохматый, меня опрыгал; Но тыходишь в село и узнаешь...; И едва проблеснет тебе оно, громадное, меж стволов...; Мыпилили дрова, взяли вязовое бревно и вскрикнули; Чуждое нам — и наше самое славное великолепие!*

В текстах встречается и объединение *я* и *ты* в сочинительном словосочетании, приравненном к *мы*, что делает все эти местоимения контекстуальными синонимами: *Так и ты, так и я. Если до сих пор всё никак не увидим, всё никак не отразим бессмертную чеканную истину, не потому ли, значит, что еще движемся куда-то?; А еще есть такие, кто умер за отечество, — ну, как тебе или мне еще придется. Этим Церковь наша отводила прежде день — поминовение воинов <...> В трех войнах теряли мы мужей, сыновей, женихов...*

Так, в цикле «Крохотки» формируется соборный субъект, отражающий характерное для православных русских представление о соборности как «хоровом начале», воплощающем «свободное, духовное единение людей как в церковной жизни, так и мирской общности, общение в братстве и любви» [Лазарев]. Соборное мироощущение русского православного человека и его неразрывное единение с Богом особо подчеркивается Солженицыным: *И где б ты в поле, в лугах ни брел, вдали от всякого жилья, — никогда ты не один* («Путешествую вдоль Оки»).

Соборность, как полагал К. С. Аксаков, предполагает, что «личность не подавлена, а только лишена эгоизма» [Там же], и индивидуальное в образе автора проявляется в «Крохотках» в первую очередь через его сопричастность и сопереживание тому, во что вовлечены и чем озабочены окружающие его люди. Из «Крохоток» читатель узнает, что автору не понаслышке знакомы лишения тюрьмы и лагерей («Дыхание», «Прах поэта»), бремя крестьянской доли («Колхозный рюкзак»), тяготы фронтовой жизни («Старое ведро»), но никакие невзгоды не уничтожили в нем веру в Бога, любовь к Родине, уважение к человеку, стремление к прекрасному. Все, что им замечено, прожито, осмыслено, сверено с общечеловеческими ценностями и православной моралью, автор пытается донести до людей, поэтому «Крохотки» — своего рода высказывания умудренного жизненным опытом духовного наставника в откровенной беседе с читателем.

Итак, в «Крохотках» в образе автора соединяются как производные от Божественного и подчиненные ему индивидуальное и соборное

¹ Подобные структурно-смысловые черты отмечаются исследователями при типологическом изучении текстов православных проповедей [см., например: Кузьмина; Ицкович].

начала, причем последнее предельно сближает образы адресанта и адресата речи. Сложная организация образа автора, взаимодействуя с интенционально-содержательной основой «Крохоток», проявляет и комплексность жанра передаваемого ими сообщения, и его полиадресованность: саморефлексия направляется автором самому себе, учительное слово — читателю, исповедь — Высшему Судие. В связи со сказанным неудивительно, что оказался спорным вопрос о принадлежности «крохоток» к литературному роду, о чем Л. А. Колобаева пишет так: «Критики называют их лирическими миниатюрами, стихотворениями в прозе. Думаю, это неверно. <...> “Крохотки” — это чаще всего “сгущенные” до грани афоризма рассказы, самый малый эпос» [Колобаева, с. 44]. Представляется, что выявленные особенности структурно-смысловой организации «крохоток» демонстрируют равноправное и взаимопроникающее сосуществование в них повествовательной, лирической и философской составляющих, что позволяет отнести их к лиро-эпическим произведениям.

Возвращаясь к «Молитве», завершающей написанную на тот момент первую часть «Крохоток», отметим ее ключевую функцию для всего цикла в целом: ее содержание, с одной стороны, акцентировало в жанре «Крохоток» значимость Божественного начала и обогатило образ автора ролью посредника, несущего людям Высшие истины; с другой стороны, заключительные строки «Молитвы» наметили возможное продолжение цикла:

...и я смог послать человечеству
отблеск лучей Твоих.
И сколько надо будет,
чтобы я их еще отразил, —
Ты дашь мне.
А сколько не успею
Значит, Ты определил это другим.

Вторую часть «Крохоток», написанную в 1996–1999 гг., отделяет от первой период почти в 40 лет, половину которого писатель провел в вынужденной эмиграции. Вернувшись на Родину в 1994 г., он негативно воспринял то, что происходило в постперестроечной России, по словам писателя, в период Третьей Смуты: *...где-то в длении, в тлении Смуты Третьей. И как избавиться от сравненья: провидческая тревога народная — лишь досадная помеха трону и непробивной боярщине, что четыреста лет назад, что теперь* («Колокол Углича»). Православно-патриотический настрой Солженицына не совпал с доминировавшим тогда в российском обществе чувством неограниченной свободы, общая тональность его высказываний казалась чрезмерно серьезной и дидактичной, о чем впоследствии писали и говорили многие [см., например: Ерофеев, 1996; Грани недели], и, вероятно, поэтому вторая часть его «Крохоток» не стала тогда резонансным событием в мире русской литературы. Однако это произведение, несомненно, заслуживает внимания.

Вторая часть цикла состоит из 14 «крохоток», при этом завершает ее и весь цикл в целом вновь молитва, но уже не благодарственная, а просительная — «Молитва о России»: таким образом, вторая часть цикла обрамлена двумя молитвами, которые определяют ее общую православно-патриотическую основу, акцентируют существенные композиционные и содержательно-смысловые черты каждой из «крохоток» и обуславливают их единство в составе цикла.

Все замечания, высказанные нами при анализе первой части цикла о «крохотках» как индивидуально-авторском жанре и его конститутивных свойствах, таких как типовая трехчастная композиция, проявляющая соединение в тексте равноправных изобразительно-повествовательной, лирической и философской составляющих; слияние в образе автора посредника, несущего людям Слово Божие, представителя соборного (русского православного) *мы* и рассказчика, предельно близкого реальной личности писателя; доминирование в речевой организации контрастирующих между собой благоговейной (перед Богом) и обличительной (по отношению к земной власти и проявлениям низкого в человеке) тональностей; полиадресованность авторского сообщения в речи, стилизованной под устную беседу: себе самому в саморефлексии; читателю, объединенному с адресантом общим качеством соборности, в учительном высказывании; Высшему Судие в исповеди — всё это релевантно и для произведений второй части цикла.

Вторую часть цикла отличает от первой при более жесткой критике власти *бóльшая патриотичность*: почтительность автора перед Родиной выражается даже в написании ее номинаций с заглавной буквы: *В чьих Она равнодушных или скользких руках, безмысли или корыстно правящих Ее жизнь* («Позор»); писатель всем сердцем беспокоится за *«нашу недотопленную Россию»*, доведенную до плачевного состояния *«невежественной волей самодурных правителей»* («Колокольня»).

Но в то же время во второй части цикла чувствуется и большая сосредоточенность автора на личной ответственности человека: *И отпущено каждому живущему только: свой труд — своя душа* («Позор»); *Ты что-то несравненное можешь открыть, решить, задумать — только бы не расколыхать, только б не дать протревожить эту озерную гладь в тебе самом...* («Утро»); *...знать, еще годочек нам отпущен, можно и опять зазеленеть — и к своим вернуться через шелковистые иголки. Ведь — и люди такие есть* («Лиственница»); на способности человека управлять собой, нацеливая себя на добро: *А твое устояние, твое достоинство — не отдаться этим вихрям, но овладеть потоком темным и направить его к тому, что здоровит. <...> Власть над собой* («Ночные мысли»), на умении быть крепким духом, даже не будучи сильным физически: *...ты еще вживе, а поднимаешься выше материи* («Старение»); *Сколько, сколько можно прожить и сделать за один-единственный только день!* («Завеса»), на необходимости отводить время раздумью, чтобы не остались неосознанными *«незамечаемая в суете дня, глубокая серьезность жизни, ее нерастеребленный смысл»* («В сумерки»).

В крохотках второй части мотив покаяния за личные грехи и за позорные периоды в истории Родины: *Так и нас, много: когда уже постигает удар кары-совести, то — через все нутро напрострел, и через всю жизнь вдоль. И кто еще остоится после того, а кто и нет* («Молния»); *Только не пошли, Бог, старости в нищете и холоде. Как — и бросили мы столько и столько...* («Старение»); *И даже через смерть, освобождающую нас от огорчений личных, — от этого Позора не уйти: он так и останется висеть над головами живых, а ты же — их частица* («Позор») — соседствует с имеющим контрастное звучание мотивом надежды на способность русских людей преодолеть смутный период в их истории: *Неужель не прорвут они эту черту обреченности? Прорвут! Еще — в силах* («Позор»); *...нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...* («Колокольня»).

Как и в первой части, все отмеченные особенности второй части получают акцентированное воплощение в заключительной «крохотке» — «Молитве о России», соединяясь в ее финальных строках:

Сколько прямодушных сердец
и сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму,
Не послуживши во имя Твое!
Из глубин Беды —
вызvoli народ свой неукладный!

Сопоставляя две молитвы, включенные в цикл, можем заметить в них существенные различия в образе автора: «Молитва» — это вознесение от имени авторского я хвалы Богу за неотступное сопровождение его на тернистом жизненном пути, за возведение на вершину славы и за доверие миссии посредника, доносящего Слово Божие человечеству, т. е. это персональное благодарение Бога за личное благополучие; в то время как в «Молитве о России» в образе автора доминирует соборное начало, когда, как писал Н. А. Бердяев, «есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир» [Бердяев, с. 190], и «Молитва о России» — это вымаливание русским человеком у Бога благополучия для своей страны и своего народа, неотъемлемой частью которого он себя ощущает. Первая часть «Крохоток» — это прежде всего учительное слово, призывающее советского гражданина оживить в себе человека, вторая часть «Крохоток» — это учительное слово, призывающее людей в смутные времена сохранить в себе человечность и русскость, поэтому «крохотки» второй части цикла автором оцениваются как удар колокола, призывающий народ к борьбе с бедой: *Досталось и мне, вот, сейчас ударить в страдальный колокол* («Колокол Углича»).

Следует отметить, что во второй части «Крохоток» композиция первой, где «Молитва», помимо воли автора, стала завершающим звеном, повторяется писателем сознательно, и «Молитва о России» осмысленно помещается

в финальную позицию; если же учесть ее тематические и тональные совпадения и с первой частью цикла, то можно говорить о том, что «Молитва о России» выступает и структурно-смысловым компонентом, соединяющим начало и конец цикла, формируя его кольцевую композицию. Так в результате действия «тенденций к интеграции — превращению контекста в текст» [Лотман, с. 131] складывается кольцевой двухчастный цикл с двумя «крохотками»-молитвами, которые мотивируют и сложную структуру образов автора и адресата, и всю палитру воплощенных в цикле тональностей, выполняют роль эмоционально-смысловых доминант и определяют когнитивно-коммуникативный облик как каждой из частей по отдельности, так и всего цикла «Крохотки» в целом как единого художественного высказывания, служащего воплощением индивидуально-авторской картины мира.

Источники

Солженицын А. И. Крохотки // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1 : Рассказы и крохотки. М. : Время, 2006. С. 529–571.

Исследования

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.

Грани недели [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 03.06.2017. URL: <https://echo.msk.ru/programs/graniweek/1993000-echo/> (дата обращения: 27.11.2018).

Ерофеев В. В. К нам едет ревизор (Александр Солженицын) // Ерофеев В. В. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3 : Страшный суд : Роман ; Рассказы ; Маленькие эссе. М. : Союз фотохудожников России, 1996. С. 487–493.

Ерофеев В. В. Возвращаясь к Солженицыну [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 08.09.2008. URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=5179> (дата обращения: 27.11.2018).

Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.

Кодзис Б. Лирические миниатюры Александра Солженицына [Электронный ресурс] // Литература. 1997. № 30. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199703001> (дата обращения: 27.11.2018).

Колобаева Л. А. «Крохотки» // Лит. обозрение. 1999. № 1. С. 39–44.

Кузьмина К. А. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Лазарев В. В. Соборность [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178> (дата обращения: 27.11.2018).

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 129–132.

Макарова О. С. Структурно-смысловое единство миниатюр цикла «Крохотки» А. И. Солженицына // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 57–61.

Struve N. Etudes et miniatures : ultime vérité, ultime simplicité [Electronic resource]. URL: [http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Programma_na_fr._yaz._\(Parizh_2009\).pdf](http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Programma_na_fr._yaz._(Parizh_2009).pdf) (accessed: 27.11.2018).

References

- Berdyayev, N. A. (1989). *Filosofiia svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda. (In Russian)
- Erofeev, V. V. (1996). K nam edet revizor (Aleksandr Solzhenitsyn) [An Inspector-General is Coming (Aleksandr Solzhenitsyn)]. In V. V. Erofeev, *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vols. 1–3). (Vol. 3: *Strashnyi sud: Roman; Rasskazy; Malen'kie esse* [The Last Judgment: Novel; Stories; Little Essays] (pp. 487–493). Moscow: Soiuz fotokhudozhnikov Rossii. (In Russian)
- Erofeev, V. V. (2008, September 08). Vozvrashchaias' k Solzhenitsynu [Returning to Solzhenitsyn]. *Radio "Svoboda"*. Retrieved from <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=5179>. (In Russian)
- Grani nedeli [The Borders of the Week] (2017, June 03). *Ekho Moskvy*. Retrieved from <https://echo.msk.ru/programs/graniweek/1993000-echo/>. (In Russian)
- Itskovich, T. V. (2007). *Pravoslavnaia propoved' kak tip teksta* [Orthodox Sermon as a Type of Text] (doctoral dissertation abstract). Yekaterinburg. (In Russian)
- Kodzis, B. (1997). Liricheskie miniatiury Aleksandra Solzhenitsyna [Lyrical Miniatures by Aleksandr Solzhenitsyn]. *Literatura*, 30. Retrieved from <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199703001>. (In Russian)
- Kolobaeva, L. A. (1999). "Krokhotki" [Miniatures]. *Literaturnoe obozrenie*, 1, 39–44. (In Russian)
- Kuz'mina, K. A. (2006). *Strukturnye i iazykovye osobennosti propovedi kak rechevogo zhanra* [Structural and Linguistic Features of a Sermon as a Speech Genre] (doctoral dissertation abstract). St Petersburg. (In Russian)
- Lazarev, V. V. (2010). Sobornost' [Communalism]. In V. S. Stepin (Ed.), *Novaia filosofskaya entsiklopediia* [New Philosophical Encyclopedia] (Vols. 1–4) (2nd ed.). Moscow: Mysl'. Retrieved from <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178>. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (1992). Semiotika kul'tury i poniatie teksta [The Semiotics of Culture and the Concept of Text]. In Yu. M. Lotman, *Izbrannye stat'i* [Selected Articles] (Vol. 1, pp. 129–132). Tallinn: Aleksandra. (In Russian)
- Makarova, O. S. (2011). Strukturno-smyslovoe edinstvo miniatiur tsikla "Krokhotki" A. I. Solzhenitsyna [The Structural and Semantic Unity of the Cycle *Miniatures* by A. I. Solzhenitsyn]. *Mir russkogo slova*, 1, 57–61. (In Russian)
- Struve, N. (2009). Etudes et miniatures: ultime vérité, ultime simplicité. Retrieved from [http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Programma_na_fr._yaz._\(Parizh_2009\).pdf](http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Programma_na_fr._yaz._(Parizh_2009).pdf). (In French)

Хорохордина Ольга Витальевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка как иностранного
и методики его преподавания
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская
набережная, 11
E-mail: o.khorohordina@spbu.ru

Khorokhordina, Olga Vitalyevna

PhD, Associate Professor
Department of Russian as a Foreign Language
and Methods of Teaching
St Petersburg State University
11, University Embankment,
199034 St Petersburg, Russia
Email: o.khorohordina@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-0598-6353
Researcher ID: D-3787-2016